

DOI: [10.17976/jpps/2021.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12)

КЛИЕНТЕЛИЗМ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ СЕТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В РОССИИ: ОПЫТ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

К.В. Мельников

МЕЛЬНИКОВ Кирилл Вадимович, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, email: melnikovrezh@gmail.com

Мельников К.В. Клиентелизм и неформальные сети региональных элит в России: опыт сетевого анализа на примере Свердловской области. — Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 171-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>

Статья поступила в редакцию: 07.05.2020. Принята к публикации: 26.11.2020

Аннотация. Изучение неформальных аспектов политических взаимодействий стало влиятельным исследовательским трендом в анализе российского и, шире, постсоветских политических режимов. Чаще всего концептуальной основой для этого становятся категории патрон-клиентских отношений и неформальных сетей. Несмотря на очевидные коннотации, в изучении последних исследователи крайне редко пользуются возможностями аппарата сетевого анализа (SNA). В то же время он позволяет не только визуализировать сеть и математически оценить различные ее параметры, но и выдвигает гораздо более строгие требования к концептуализации неформальных сетей по сравнению с качественными подходами, в которых понятие неформальной сети до сих пор представляет собой скорее метафору, чем аналитически обоснованную категорию. В рамках настоящего исследования с помощью метода SNA проанализированы неформальные сети административных элит Свердловской области. Этот регион сумел довольно быстро преодолеть серьезные экономические трудности, вызванные распадом СССР, преуспел в торге с федеральным центром относительно усиления своего правового статуса, а его первый губернатор, Эдуард Россель, традиционно рассматривается как значимая фигура когорты “региональных тяжеловесов” конца 1990-х — начала 2000-х годов. Эти особенности Свердловской области исследователи нередко объясняют силой неформальных сетей, сформировавшихся в регионе, однако такое предположение до сих пор не подвергалось количественной верификации. С этой целью в настоящем исследовании проанализированы неформальные сети руководителей региональных органов исполнительной власти в разрезе двух периодов, совпадающих со сроками полномочий экс-губернаторов Э. Росселя и А. Мишарина. Неформальные сети строились на основе анализа биографий. Поэтому эмпирической базой исследования стала собранная автором база данных биографий для 78 чиновников, состоящая из 665 строк, каждая из которых содержит информацию о карьерном пути включенных в выборку акторов. Далее с помощью кода, написанного на языке R, были найдены пересечения в карьерных путях всех возможных пар чиновников до их попадания на элитные позиции. На основе полученных пересечений были сформированы сети личных связей. Оценив структуру сетей, плотность, наличие сообществ, а также сетевые позиции акторов, мы увидели, как могут различаться паттерны структурирования неформальных сетей в зависимости от стратегий их лидеров.

Ключевые слова: неформальные сети, патрон-клиентские отношения, клиентелизм, патронаж, бюрократия, политический режим, сетевой анализ, региональные элиты, SNA.

ВВЕДЕНИЕ

Исследователи, занимающиеся анализом российского и, более широко, постсоветских политических режимов, часто прибегают к емкой метафоре: их объект изучения напоминает айсберг, в котором видимые формальные нормы составляют только малую часть всего механизма политики [Гельман 2001; Чирикова, Ледяев 2017: 84]. Гораздо более существенны с точки зрения как масштаба, так и влияния на его динамику неформальные структуры, нормы и принципы политических взаимодействий. Эти аспекты политической жизни скрыты от внешнего наблюдателя и представляются довольно сложным объектом для классической исследовательской оптики. Те исследователи, которые все же предпринимают попытки пролить свет на неформальные аспекты постсоветских политических режимов, применяют для этого широкий набор концептов. Однако все они более или менее явно опираются на веберовскую концепцию модернизации. С этой точки зрения постсоветские политические режимы сохраняют существенные черты традиционного типа доминирования, который проявляет себя в превалировании личных отношений над институтами и имперсональными принципами социальных действий.

Эта особенность характерна и для той части институционального ландшафта, которая традиционно считается наиболее зарегулированной формальными правилами и процедурами — бюрократического аппарата. Социологические исследования российской бюрократии подтверждают, что личные связи играют существенную роль в формировании как бюрократии “первого этажа”, так и административной элиты. Исследование В. Гимпельсона и В. Магуна показало, что в 85% случаев поступлению на государственную службу российские чиновники обязаны либо личным рекомендациям (45%), либо предложению руководителя подразделения (32%), либо тому, что уже были известны в организации, например, после прохождения практики (8%) [Гимпельсон, Магун 2004: 25]. Что же касается “верхнего этажа”, то, согласно исследованию Ф. Чапковского, в 2008 г. только 20 из 83 высших чиновников Правительства России, Администрации президента и специальных служб не имели предшествующих попаданию на эти посты личных связей с другими представителями административной элиты [Чапковский 2011].

Чаще всего эти явления описываются в терминах неформальных сетей или патрон-клиентских отношений. К настоящему моменту уже сложилась традиция исследований, так или иначе ставивших своей целью изучение этих феноменов в советской и российской политике. Наиболее сфокусированно эта проблематика изучается в междисциплинарном поле исследований неформальности, особенно в той его части, которая находится на стыке с исследованиями элит. Именно к этой традиции относятся работы А. Леденевой [Ledeneva 2013], Д. Истера [Easter 1999], У. Райзингера и Д. Виллертона [Reisinger, Willerton 1988].

Наиболее обширное исследовательское поле, разрабатывающее ту же проблематику, связано с изучением патрон-клиентских отношений. Политическое измерение патронажа, подчеркнутое в классических работах Ш. Эйзенштадта, Л. Ронигера [Eisenstadt, Roniger 1984] и Дж. Скотта [Scott 1972], превратилось в настолько большое междисциплинарное поле, что стало служить аналитической рамкой для изучения широкого спектра социальных отношений. При этом патронаж в бюрократии был и остается одним из основных объектов интереса в теории патрон-клиентских отношений [Гилев 2016].

Наконец, все более широкую популярность для осмысления постсоветских режимов обретает неопатримониальная интерпретация [Фисун 2010; Гельман 2015], которая гласит, что в рамках этих политических режимов причудливым образом переплетаются нормы рационально-легального и традиционного (патримониального) доминирования по М. Веберу. Формирование бюрократического аппарата на основе личных связей в этом отношении выступает одним из основных контекстов, в котором отношения личной зависимости успешно встраиваются в рамки формального института и существенно меняют принципы его функционирования.

Однако, несмотря на несомненный динамизм этой области общественной науки, изучение неформальных сетей элит в России имеет несколько пробелов, ограничивающих наше понимание принципов и особенностей функционирования неформальных сетей.

Во-первых, периферийное место в разработке этой проблематики занимает ее региональный аспект, хотя сама суть патрон-клиентских отношений предполагает их географическую локализацию — места в административном аппарате получают те, кто работал с патроном в одном регионе. При этом уплотнение сетей личных связей в федеральном центре может вызывать проблему блокированной мобильности для региональных элит. “Если федеральный центр не строит федеральной бюрократии, то неизбежно появляются и укрепляются местные бюрократии и кланы”¹.

Во-вторых, в изучении неформальных сетей исследователи крайне редко пользуются возможностями аппарата сетевого анализа. Анализ социальных сетей (*Social Network Analysis* — SNA) не только позволяет визуализировать неформальные сети, но и, будучи социологическим продолжением теории графов, предъявляет гораздо более строгие требования к концептуализации неформальных сетей по сравнению с тем, как эта категория используется в политической науке.

В-третьих, в существующих исследованиях не ставится задача установления взаимосвязи между структурой неформальных сетей и распределением власти между ее членами. В контексте бюрократического патронажа это могло бы подразумевать выход на сопоставление двух компонентов административного веса: формального веса должности и неформального веса личности. Такое сопоставление формирует перспективный исследовательский вопрос: в какой степени место в сети личных связей обуславливает объем властных ресурсов, которым располагает тот или иной актор.

Настоящая статья прямо обращается к первым двум из заявленных проблем и формирует первоначальный задел для решения третьей. С этой целью мы рассмотрим структуру и динамику неформальных сетей региональных элит в Свердловской области в период 1994–2012 гг. Выбор кейса обусловлен уже сложившимся интересом к этому региону. То, что Свердловская область, будучи сверхиндустриализированным регионом, после распада СССР смогла сохранить и развить свой промышленный потенциал; то, что ее лидеры довольно успешно вели переговоры об усилении ее статуса в начале 1990-х годов и к 1995 г. добились того, что она стала первой областью в России, в которой были проведены выборы

¹ Дятликович В., Чапковский Ф. Кто есть кто и почему в российской элите. — Журнал “Русский репортер”. 07.09.2011. URL: http://web.archive.org/web/20201119120813/http://www.rusrep.ru/article/2011/09/07/who_is_who (accessed 21.07.2021).

губернатора; то, что ее первый губернатор Э. Россель находился у власти более 15 лет, — все заставляет исследователей говорить о потенциальной силе неформальных сетей в регионе [Easter 1997; Carter 2015]. Тем не менее количественных исследований в этом направлении пока нет. Настоящая работа представляет собой попытку верифицировать уже высказанные интуиции об определяющем характере неформальных сетей в Свердловской области.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В политической науке клиентелизм в самой общей форме определяется как “не связанные с родством отношения личной зависимости, основанные на взаимообмене благами между двумя людьми, патроном и клиентом, которые обладают неравными по объему ресурсами” [Medard 1976: 103]. Неформальные сети широко понимаются как “средства социального взаимодействия, которое является менее формальным, чем взаимодействие между государственными институтами и внутри них” [Koronenko 2011: 6].

Сложно найти хотя бы одну работу о неформальности в политике, которая содержала бы только один из этих концептов. Исследователи используют их если не как взаимозаменяемые, то как находящиеся в тесной взаимосвязи категории. Отношения между ними не проблематизируются. В общем виде можно отметить, что оба концепта описывают неформальную и персональную природу политических взаимодействий. Однако следует помнить, что они представляют собой различные категории. Если неформальная сеть — это тип социальной структуры, то клиентелизм — тип отношений. Соответственно, последнее может быть частью первого. При этом неформальная сеть может вмещать в себя социальные отношения разного типа. Они могут варьироваться как по признаку равенства или неравенства ресурса (горизонтальные или вертикальные отношения), так и по основному мотиву вступления в такие отношения (рациональный интерес, социально-биографически обусловленные связи или отношения эмоциональной притягательности) [Старцев 2009]. Таким образом, патрон-клиентские отношения — существенная, но не единственная составляющая такого сложного феномена, как неформальная сеть.

Скрытая природа неформальных практик делает сложным не только измерение неформальных институтов и практик, но и даже их операционализацию. Поэтому неудивительно, что их изучение остается вотчиной качественных подходов, в особенности экспертных и глубинных интервью. Несомненно, такие исследования (например, [Ledeneva 2013]) могут многое объяснить в принципах функционирования неформальных сетей, они могут позволить подробное изучение конкретных связей между патроном и его клиентами, проанализировать внутренние механизмы таких отношений, пороги вхождения и причины исключения из них. Однако качественные подходы имеют и ряд изъянов. Помимо классических претензий к воспроизводимости результатов и очевидной сложности доступа к респондентам, являющимся инсайдерами, а также восприятия клиентелизма как полукоррупционной практики и вытекающих отсюда сомнений в искренности респондентов и необходимости обеспечить в целях исследования им статус инкогнито, применительно к изучению неформальных сетей качественные методы имеют еще два более существенных недостатка. Во-первых, с их помощью невозможно оценить масштабы явления. Исследователи могут глубоко и подробно изучить

частные связи представителей элиты с верховным патроном, однако это вряд ли что-то скажет о том, насколько общим явлением предстает клиентелизм в рамках данной политической системы. Во-вторых, качественные методы склонны изучать связи между теми политиками, которые были изначально выбраны как значимые, что приводит к недооценке менее известных акторов.

Исследователи неформальных сетей редко пользуются возможностями сетевого анализа². SNA позволяет не только количественно оценить разнообразные параметры неформальных сетей, выявить его ключевые фигуры и визуализировать сети, но и выдвигает гораздо более жесткие требования к концептуализации неформальной сети. Прежде всего, необходимо операционализировать два ключевых элемента сети (графа): узлы и грани. В рамках настоящего исследования узлами будут высшие должностные лица исполнительной власти Свердловской области³. Операционализация граней неформальной сети — нетривиальная задача. Обзор литературы позволяет обнаружить несколько исследований российских и советских элит, которые в той или иной степени используют идеи сетевого анализа [Willerton 1987; Reisinger, Willerton 1988; Easter 1997]⁴. С небольшими вариациями все они опираются на анализ биографий и поиск опыта совместной работы до попадания на элитную позицию. Мы будем следовать тому же подходу, т.е. под гранью сети будем понимать пересечение в карьерах, предшествующее попаданию на высшую должность в исполнительной власти. С этой целью мы составили базу данных карьерных путей чиновников Свердловской области. Основными источниками информации о карьерных путях государственных служащих стали энциклопедии “Федерал Пресс”⁵ и “Свободная энциклопедия Урала”⁶ (последняя, будучи одним из крупнейших исследовательских проектов по истории Урала, предлагает наиболее детализированную биографическую информацию о руководителях Свердловской области). Такая база данных состоит из записей о 78 чиновниках и 665 строк, каждая из которых отражает даты начала, окончания, организацию и населенный пункт, в которых проходила учеба или работа чиновника. Далее с помощью кода, написанного на языке R, мы выявили пересечения в их карьерах, предшествующие попаданию на высшие позиции в исполнительной власти.

Такой подход не лишен изъянов. Во-первых, эта модель упускает из вида внешние по отношению к карьере источники формирования личных связей (спортивные клубы, членство в общественных организациях, соседство по даче). Во-вторых, она приписывает двум чиновникам, работавшим на опре-

² Примечательными исключениями являются [Keller 2016, 2018; Newson, Trebbi 2018; Gautier Morin, Rossier 2020]. При этом аппарат сетевого анализа находит все большее применение у российских авторов в исследованиях дискурса социальных движений [Рябенко и др. 2018], межгосударственных конфликтов [Алескеров и др. 2016], молодежных политических организаций [Казанцев, Асеев 2020]. Имеются работы, обобщающие теоретические и методологические основания сетевого подхода в политическом анализе [Сморгунов, Шерстобитов 2014].

³ Их перечень приведен в таблице 1 в приложении на сайте журнала. См. <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/6/Polis-2021-6-Melnikov-App-1.pdf>

⁴ Дятликович В., Чапковский Ф. Кто есть кто и почему в российской элите. — Журнал “Русский репортер”. 07.09.2011. URL: http://web.archive.org/web/20201119120813/http://www.rusrep.ru/article/2011/09/07/who_is_who (accessed 21.07.2021).

⁵ Энциклопедия РИА “Федерал Пресс”. 2020. URL: <http://lib.fedpress.ru/> (accessed 17.07.2021).

⁶ Свободная энциклопедия Урала. 2020. URL: http://энциклопедия-урала.рф/index.php/Свободная_энциклопедия_Урала (accessed 17.07.2021).

деленном этапе вместе, положительную связь, хотя в действительности их отношения могли быть конфликтными или как минимум индифферентными. И в целом такой подход к операционализации связей опирается на скрытое предположение о том, что совместный опыт работы является показателем именно патрон-клиентских отношений, а не чего-то еще, например, значимости определенных образовательных или производственных центров, кадрового дефицита или наличия позиций, обязательных перед попаданием на высшие позиции государственной службы. Эти недостатки сетевого анализа ощутимы, однако они способны сгладить изъяны качественных подходов к анализу неформальных сетей, а именно принципиальное отсутствие операционализации элементов неформальных сетей, а также акцент на частных связях выбранного заранее как значимого патрона со своими клиентами. SNA, напротив, изначально не отдает предпочтения ни одному из включенных в модель игроков, рассматривая их как равнозначных.

В рамках статьи мы рассмотрим неформальные сети двух экс-губернаторов Свердловской области: Эдуарда Росселя (1995–2009) и Александра Мишарина (2009–2012). Для оценки динамики сетей выделим два соответствующих временных среза. Мы постарались идентифицировать наиболее стабильные периоды, когда аппарат функционировал без серьезных перемен в персональном составе, поэтому исключили первые годы нахождения в должности каждого губернатора, а также периоды, следующие сразу за отставками правительства.

СХЕМА АНАЛИЗА

Общая логика анализа диктует движение от общего к частному. Рассмотрев общую форму и связанность сети, мы перейдем к анализу сетевых позиций отдельных акторов. Обобщая характеристики центральности отдельных акторов, можно будет оценить степень централизации сети, а затем проникнуть в структуру отношений между акторами, выявив ядро и периферию сети, а также наличие сетевых сообществ. Таким образом, с помощью аппарата SNA мы последовательно оценим четыре группы параметров неформальных сетей в разрезе рассматриваемых периодов.

1) Плотность связей. Разнообразные метрики плотности могут служить индикатором того, насколько акторы связаны друг с другом в целом, что может свидетельствовать о степени сплоченности политического сообщества (в нашем случае — бюрократии). Более сплоченная сеть способна быстрее мобилизовать ресурсы и распространить информацию для решения управленческих задач. С меритократической точки зрения, однако, это может свидетельствовать о закрытости управленческой элиты от внешней среды и ограниченной социальной мобильности. Математически показатель *плотности* сети представляет собой отношение наблюдаемых связей в сети к максимальной возможному их числу. Другим способом оценить, насколько плотно в сети связаны акторы, является *геодезическое расстояние* (кратчайший путь) между узлами. *Среднее геодезическое расстояние* может показать, насколько легко акторы в среднем могут достичь любого другого члена сети, а *диаметр* — сколько рукопожатий потребуется двум наиболее удаленным друг от друга акторам для осуществления транзакции. Также мы оценим количество *изолятов* (узлов, которые не имеют ни одной связи) и размер *гигантской связной компоненты* (ГСК), т.е. наиболее крупной связанной части графа.

2) Значимость акторов. Аппарат SNA дает средства для оценки значимости тех или иных игроков в сети, что позволяет получить хотя бы относительное представление об объеме их неформальной власти. В SNA разработаны сотни различных мер центральности, однако три из них считаются фундаментальными.

А) *Центральность по степени (degree centrality)* определяется как количество связей, которое имеет тот или иной узел (актор). Математически центральность по степени узла p_k определяется как

$$C_D(p_k) = \sum_{i=1}^n a(p_i, p_k),$$

где n — общее число узлов, и $a(p_i, p_k) = 1$ тогда и только тогда, когда p_i и p_k связаны, и 0 в противном случае [Freeman 1978].

Центральность по степени может отражать неформальный административный вес. Влияние актора может быть обусловлено: (1) количеством связей, которые он имеет с вышестоящим патроном, что дает ему протекцию и престиж в глазах других членов сети; (2) количеством клиентов, которое ему удалось продвинуть в состав сети, что дает ему поддержку в случае бюрократических конфликтов; (3) количеством дружеских связей среди равных коллег, что делает для него более легким формирование альянсов и поддержку в случае административного соперничества.

Б) *Степень близости (closeness centrality)* отображает, насколько близко актор находится по отношению ко всем остальным акторам в сети. Технически степень близости узла p_k определяется как

$$C_c(p_k)^{-1} = \sum_{i=1}^n d(p_i, p_k),$$

где $d(p_i, p_k)$ — это число связей на кратчайшем пути между p_i и p_k [ibidem].

Степень близости часто ассоциируется со способностью актора распространять и получать информацию или иной тип ресурсов. В своем универсальном смысле эта метрика показывает, как легко актор может достичь любого другого члена сети. В контексте неформальных сетей этот индикатор может быть полезным для установления способности акторов выстраивать коалиции.

В) *Степень посредничества (betweenness centrality)* — мера того, как много кратчайших путей между всеми возможными парами узлов проходит через узел p_k . Математически степень посредничества узла p_k определяется как

$$C_B(p_k) = \sum_i^n \sum_{j < i}^n \frac{g_{ij}(p_k)}{g_{ij}},$$

где g_{ij} — это число кратчайших путей, соединяющих узлы p_i и p_j , и $g_{ij}(p_k)$ — число таких путей, в которых содержится p_k [ibidem].

Степень посредничества часто ассоциируется как довольно удачная мера измерения власти, поскольку узел с высокой степенью посредничества находится в правильном месте для того, чтобы контролировать поток ресурсов. Известная работа Д. Паджета и К. Ансела показывает точность степени посредничества в схватывании неформальной власти. Они доказали, что подъем Медичи во Флоренции XV в. может быть объяснен не только и даже не столько богатством и прямым числом связей с другими флорентийскими семьями, сколько стратегически важной позицией, которую они занимали в сети браков [Паджет, Ансел 2016].

3) Степень централизации сети. SNA позволяет исследователям не только различать центральные фигуры сети, но и оценивать, насколько централизована сеть как единое целое.

Предельный случай централизации — наличие центрального патрона, связанного со всеми остальными клиентами, не имеющими связей между собой. Такая структура делает невозможными коммуникацию и передачу ресурсов, кроме как через лидера сети. Обратный случай — отсутствие лидера, когда каждый актор связан только с двумя соседними по цепочке. Такая сеть максимально децентрализована, каждый актор обладает равной степенью власти. Индекс централизации может принимать значение от нуля (теоретический круглый граф) до единицы (теоретический звездообразный граф) и показывает, насколько наблюдаемая сеть близка к последнему типу.

4) Ядро, периферия и сообщества в сети. Любая сеть имеет структуру. Прежде всего необходимо определить ядро сети. С этой целью мы используем метод *k-core* декомпозиции [Seidman 1983]: *k-core* — это крупнейший подграф, в котором каждый узел соединен по крайней мере с *k* другими в подмножестве; *k-core* декомпозиция представляет собой гнездовую структуру (каждый член *5-core* также является членом *4-core* и так далее). Поэтому данный подход представляет динамическое определение ядра сети — его размер будет зависеть от выбранного параметра *k*. В нашем исследовании мы будем определять ядро сети как сообщество с наиболее высоким значением *k*. Все другие узлы в сетевом анализе именуется *k*-оболочкой (*k-shell*).

Далее определим сообщества в сети. Сетевое сообщество (*network community*) — группа узлов, которая внутри себя имеет гораздо большее число связей, чем между группами [Fortunato, Castellano 2009: 1144]. Разработка методов идентификации сообществ — возможно, наиболее растущая область сетевого анализа. Существуют сотни алгоритмов, позволяющих проводить подобное разбиение графов. В целях настоящей работы мы использовали алгоритм распространения меток (*label propagation algorithm*) [Raghavan, Albert, Kumara 2007], поскольку он часто воздерживается от расщепления сети на большое число сообществ, что кажется адекватным при анализе малых сетей.

С точки зрения неформальной политики ядро сети — источник ее стабильности. Чем больше акторов входит в ядро и чем выше плотность связей внутри него, тем более устойчивой и сплоченной может быть властная группа. Наличие сообществ, напротив, может говорить о конфликтном потенциале сети. Чем меньше связей между сообществами, тем выше вероятность рассогласованности позиций по обсуждаемым проблемам и возникновения внутриэлитного конфликта. Здесь же возникает фигура брокера, т.е. актора, связывающего разрозненные сообщества. Его власть в сети — особого свойства. Он может не иметь большого количе-

ства связей внутри элиты, однако брокерская позиция делает его единственным или одним из немногих каналов коммуникации между элитными группами и предписывает ему роль медиатора конфликтов. С другой стороны, наличие ярко выраженных сообществ с точки зрения бюрократических назначений может быть признаком стратегии ее лидера по учету интересов разных элитных групп и потому, наоборот, выступать гарантом стабильности элитной сети. Конкретный эффект может быть уточнен только через подробный анализ кейса.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Сеть региональных элит Свердловской области в 2004-2005 гг.

Обнаружив все пересечения в карьерных путях чиновников этого периода, мы получили ненаправленный граф с 37 узлами и 90 гранями (см. рис. 1). В сети имеется большое количество изолятов — 12 (32,4% от общего числа узлов). Члены остальной части сети (ГСК) плотно переплетены друг с другом — ее плотность равна 0,3, что означает наличие 30% всех возможных связей между членами наиболее крупного подграфа. В среднем все входящие в состав ГСК узлы находятся всего в двух рукопожатиях друг от друга (среднее геодезическое расстояние равно 1,87), а два наиболее удаленных друг от друга узла разделяют всего четыре шага. Это говорит о довольно высокой плотности связей внутри административного аппарата.

Что касается определения центральных игроков, то разброс между различными мерами центральности минимален. Невооруженным взглядом на графе видна лидирующая позиция губернатора Росселя в количестве связей. Будучи лидером сети, он имеет 18 связей с другими представителями элиты. Второе место делят председатель правительства Воробьев и представитель Свердловской области в Совете Федерации Трушников (по 15 связей). В аналогичном порядке расположены акторы и по показателю степени близости. Практически полное отсутствие вариации между этими двумя метриками подчеркивает, что связи лидеров пронизывают практически всю структуру сети, сокращая расстояние между всеми ее членами. Показатель степени посредничества еще больше акцентирует сетевую роль Росселя — он превышает аналогичный показатель второго игрока, Трушникова, практически в два раза (74,3 против 38,9). Это говорит о стратегически важной позиции Росселя, позволяющей ему соединять отдельные участки сети, которые иначе бы оказались на большом удалении друг от друга.

Степень централизации сети составляет 38,6%, что говорит о ее умеренном уровне. Это может показаться странным, если учитывать, что по всем мерам центральности с существенным отрывом лидирует один актор. Однако все другие акторы тесно переплетены между собой, что делает лидера сети не единственным каналом распространения информации, распределения ресурсов и строительства коалиций.

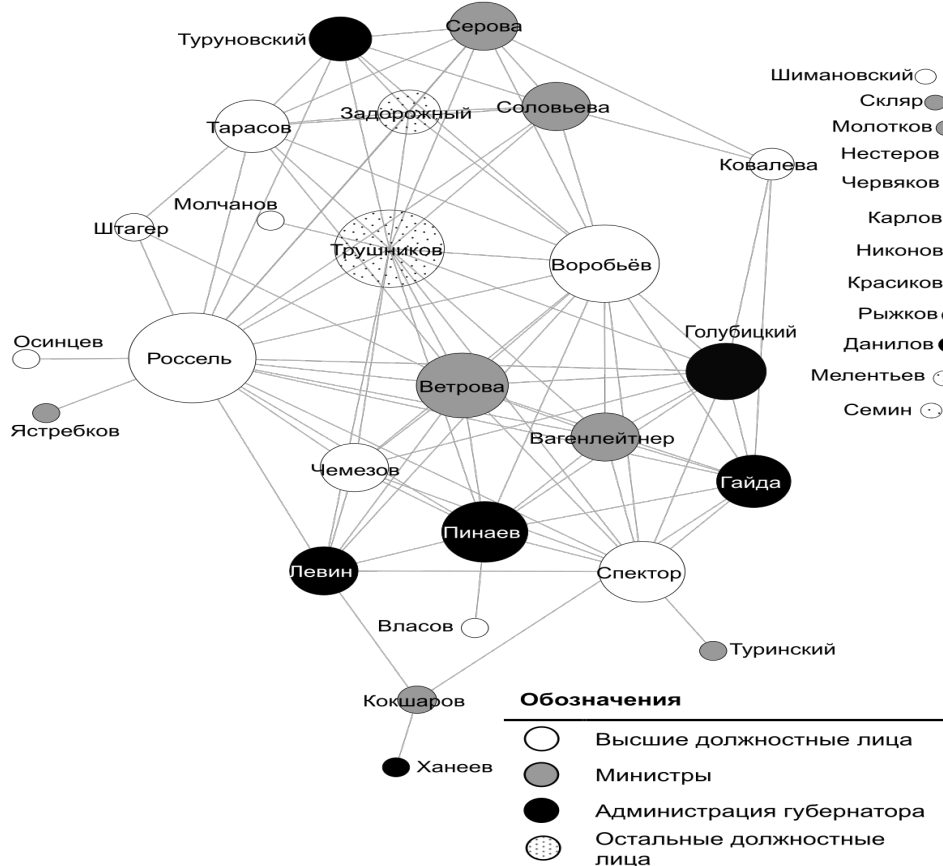
Определение ядра сети с помощью *k-core* декомпозиции⁷ обнаруживает любопытные результаты. Подавляющее число членов ГСК входят в ядро сети (16 человек, или 64% от ГСК), при этом плотность связей в нем составляет высокие 62,5%. Нет сомнений, что ядро этой сети гарантирует ее стабильность. Потому будет принципиально важно проанализировать, в каких условиях члены этой

⁷ См. рис. 2 в приложении на сайте журнала. См. <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/6/Polis-2021-6-Melnikov-App-1.pdf>

группы основали между собой личные отношения, происходили ли внутри этой группы конфликты и как она поддерживала свою жизнеспособность.

Рисунок 1 (Figure 1)

Сеть региональных чиновников Свердловской области 2004-2005 гг.⁸
The Network of Sverdlovsk Oblast's Officials 2004-2005

Label propagation algorithm определил всего одно сообщество в сети, совпавшее с ГСК. Это значит, что мы не можем выделить более мелкие сообщества, которые были бы переплетены внутри себя более плотно, чем с соседними сообществами. Таким образом, члены ГСК с точки зрения сетевого анализа представляют собой единственную сплоченную группу в сети.

Каковы условия ее формирования? Среди 119 зарегистрированных связей 96 были основаны в трех организациях – Свердловском облизполкоме (28), Областной думе (40) и политическом объединении “Преображение Урала” (28). Семь членов сети работали вместе в облизполкоме под руководством Росселя. Все они возглавляли ключевые департаменты или служили заместителями Росселя и приняли его приглашение войти в новое региональное правительство, а к 2005 г. еще более преуспели в своих карьерах.

⁸ Выполнено в Gephi. Алгоритм укладки: Force Atlas 2. Размер узла зависит от количества связей.

Вторым по значимости источником для установления неформальных связей стала первая Областная дума (1994-1996 гг.). Фактически она стала не только плацдармом для возвращения Росселя в областную администрацию после его отставки в 1993 г. за продвижение идеи объединения уральских регионов в Уральскую республику, но и богатым источником для рекрутирования в исполнительную власть после его победы на первых губернаторских выборах. Исследователи отмечают [Кириллов 2008: 240-241], что первая Областная дума выступила единым фронтом против региональной администрации во главе со А. Страховым при принятии регионального Устава, предусматривавшего прямые губернаторские выборы, а также двухпалатный законодательный орган. Более того, практически все депутаты, получившие впоследствии посты в исполнительной власти, еще больше укрепили связи с Росселем, вступив в возглавляемое им объединение “Преображение Урала”. Две ее ключевых фигуры, А. Гайда и В. Голубицкий, были авторами Конституции Уральской Республики, затем Устава Свердловской области, а позже предложили Росселю создать отдельный от правительства исполнительный орган — Администрацию губернатора — и возглавили ее.

Таким образом, ядро сети составляют две группы: члены облисполкома и депутаты Областной думы (вместе с лидерами “Преображения Урала”). Первые помогли Росселю сохранить контроль над ключевыми секторами экономики после распада СССР, вторые — выиграть ожесточенные противостояния с областной и президентской администрациями. Обе группы прошли важные тесты на лояльность. Если депутаты Областной думы не побоялись столкнуться с администрацией Страхова и помогли Росселю выиграть в высшей степени конкурентные губернаторские выборы 1995 г., то чиновники облисполкома не побоялись угроз со стороны лидеров обкома КПСС и покинули этот орган, чтобы вместе с Росселем войти в состав новой администрации. Верность Росселю могла дорого обойтись им, учитывая происходивший на фоне этих событий августовский путч, что сам Россель подчеркивал в своих интервью⁹. Эти группы были тесно связаны не только общим опытом работы, но и серьезными политическими столкновениями, из которых они вышли победителями. Три человека работали в обоих упомянутых органах и потому служат мостами между этими группами — Россель, Воробьев и Трушников. Неудивительно, что это центральные фигуры в сети.

Если отношения Росселя и Воробьева — классический пример бюрократического патронажа, то отношения Росселя и Трушникова были куда более сложными. Именно Трушников, второй центральный игрок сети, отважился участвовать в первых губернаторских выборах и критиковать Росселя в ходе кампании. Однако после поражения в первом туре Трушников помог Росселю одолеть Страхова во втором раунде и по условиям сделки получил пост председателя правительства. Но уже спустя год Россель обвинил Трушникова в расколе команды и отправил в отставку. Несмотря на это, последний оставался довольно популярным политиком в Свердловской области и в 1998 г. вновь получил место в региональной легислатуре. В 2002 г. Россель кооптировал его обратно в сеть, но уже в должности, более удаленной от региональной политики — в качестве представителя губернатора в Совете Федерации. Этот случай показывает важность анализа отношений между центральными фигурами сети. Даже крепкие неформальные отношения (в том числе патрон-клиент-

⁹ Тарабанцев-Романов С. Легенды уральской политики. Беседа первая. — *УралПолит.ру*. 10.10.2017. URL: <https://uralpolit.ru/article/urfo/09-10-2017/122619> (accessed 06.05.2020).

ские) могут перерасти в соперничество, если подчиненный субъект увеличивает свой неформальный сетевой капитал.

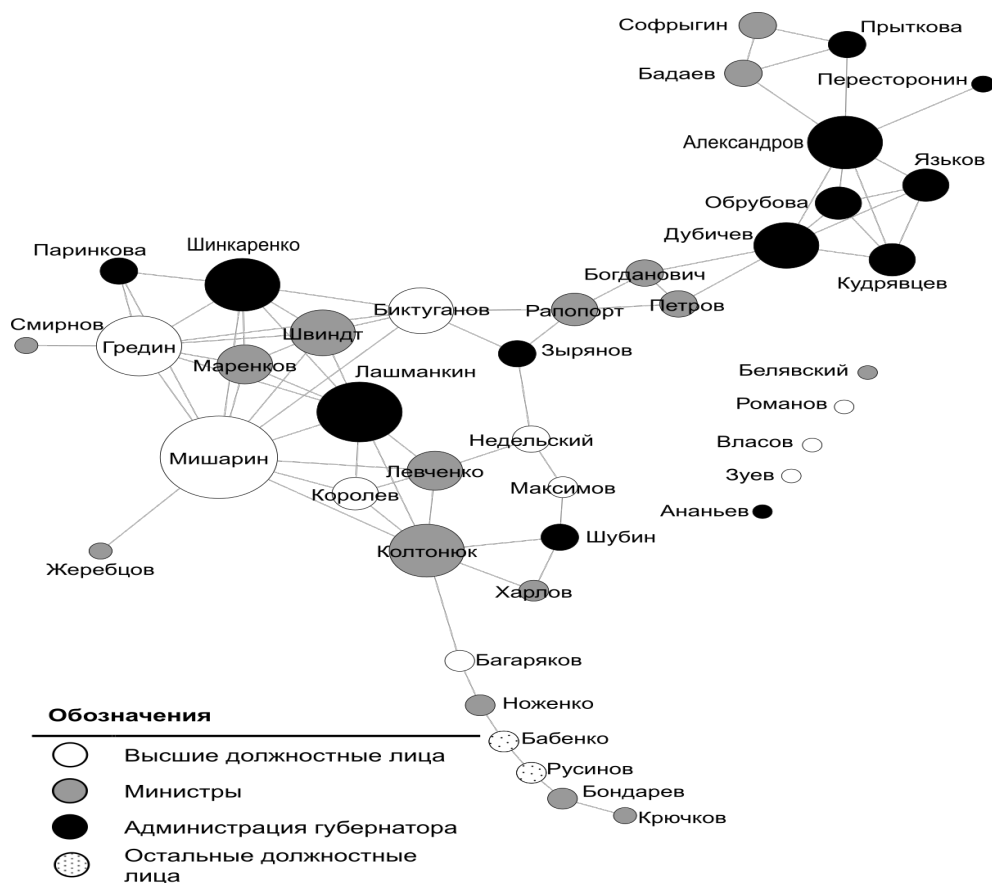
Сеть региональных элит Свердловской области в 2011–2012 гг.

Структура сети свердловских элит при губернаторе А. Мишарине существенно отличается от сети при губернаторе Росселе (см. рис. 2). Сеть Мишарина гораздо более рассредоточена и разряжена структурными дырами. Статистика сети подтверждает это наблюдение. Хотя изолятов в этой сети значительно меньше, плотность сети Мишарина все равно ниже аналогичного показателя сети Росселя, а плотность ГСК ниже почти в три раза. Среднее геодезическое расстояние увеличивается в 2,4 раза. Однако еще более говорящая разница в диаметре сетей, который по сравнению с сетью Росселя вырос в 3,5 раза. (см. табл.).

Рисунок 2 (Figure 2)

Сеть региональных чиновников Свердловской области 2011–2012 гг.

The Network of Sverdlovsk Oblast's Officials 2011–2012

В сети 2011–2012 гг. губернатор также имеет самое большое число связей – 11. Второе место среди наиболее центральных фигур по степени занимает глава Администрации губернатора В. Лашманкин, чья ассоциация с Мишариным представляет собой классический пример бюрократического

патронажа. Он служил заместителем последнего на протяжении всей своей карьеры: в федеральном Министерстве путей сообщения (1998-2002), в управлении Свердловской железной дороги (2002-2004), Министерстве транспорта (2004-2009) и, наконец, Департаменте промышленности Аппарата Правительства России (в 2009 г.). Таким образом, второй наиболее значимой фигурой в сети стал человек без собственных политических амбиций, но персонально лояльный новому губернатору. Что касается степени близости, первое место вновь занято Мишариным (0,324), однако его преимущество над занимающим второе место министром образования Биктугановым (0,318) незначительно. Это отражает стратегическую важность позиции последнего, наряду с министром спорта Рапопортом (0,294), которые соединяют ближний круг губернатора с довольно переплетенной группой чиновников из его администрации. Брокерская роль указанных чиновников схватывается и метрикой степени посредничества, первые позиции в которой вновь принадлежат Рапопорту (264,0) и Биктуганову (243,27). Интересно, что оба чиновника сумели сохранить посты после отставки Мишарина в 2012 г. и находятся на них по сей день.

Таблица (Table)

Сводная статистика неформальных сетей по периодам
Networks Summary Statistics by Periods

Параметр	Сеть Э. Росселя (2004-2005)	Сеть А. Мишарина (2011-2012)
Размер (число узлов)	37	41
Число граней	90	70
Число изолятов (% от размера сети)	12 (32,4%)	5 (12,2%)
Плотность (в т.ч. плотность ГСК)	0,135 (0,3)	0,085 (0,111)
Среднее геодезическое расстояние	1,866	4,446
Диаметр	4	14
Централизация	38,6%	19,9%

Сеть, построенная Мишариным, гораздо менее централизована по сравнению с сетью Росселя. Индекс централизации составляет 19,9%, что отражает значимость горизонтальных связей в сети и наличие сообществ, не связанных с ее лидером.

K-core декомпозиция также подтверждает отличающийся паттерн структуры сети по сравнению с предыдущим периодом¹⁰. Самое большое *k* значение — 5, т.е. входящие в ядро сети акторы имеют меньше связей, чем в сети Росселя. В то же время все члены ядра связаны друг с другом максимально плотно и тем самым формируют клику (плотность равна 1). Однако в ядро сети входят всего шесть акторов, что составляет 16,7% от ГСК. Поэтому их влияние на функционирование сети гораздо более ограничено по сравнению с ядром сети Росселя.

В то же время в сети имеются другие группы с плотно переплетенными связями внутри себя. Легко различима группа чиновников Администрации губернатора области. Они вместе работали в администрации Росселя и к 2011-2012 гг. заняли позиции глав департаментов администрации. Примечательно, что ни

¹⁰ См. рис. 4 в приложении на сайте журнала. См. <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/6/Polis-2021-6-Melnikov-App-1.pdf>

один из членов расширенного ядра (примыкающего к внутреннему кругу Мишарина, чиновники со статусом 4-core) не имеет прямых связей с этой группой. Это может говорить о высоком конфликтном потенциале сети. И хотя алгоритм определения сообществ¹¹ в этой сети будет работать с некоторыми трудностями (неоправданное выделение в отдельное сообщество пары Бондарев — Крючков), он позволяет увидеть разницу с сетью 2004–2005 гг., в которой было обнаружено только одно сообщество.

В ноябре 2009 г., когда истек срок губернаторства Э. Росселя, президент Д. Медведев не предложил ему вновь занять этот пост. Вместо этого он выдвинул кандидатуру А. Мишарина, бывшего заместителя министра транспорта России и члена Совета директоров ОАО “Российские железные дороги”. Его назначение стало частью новой волны ротации губернаторов в России. С марта 2008 г. по декабрь 2009 г. свои посты получили 23 новых губернатора, что позволило исследователям регистрировать сдвиг требований, которым должны соответствовать политики для получения этого предложения. Как показывает Я.Ю. Старцев, тремя основными неформальными требованиями были: “а) доказанная административная лояльность (работа на федеральных или региональных должностях без политических нареканий в течение 2000-х годов); б) отсутствие в прошлом самостоятельной политической или деловой карьеры, связанной с партийной конкуренцией и возможностью получить массовую поддержку или независимую ресурсную базу (не связанную с президентом, премьером или ‘Единой Россией’); в) наличие в прошлом сколь-нибудь заметных успешных “проектов” по реализации пожеланий правящей группы”¹². В случае с Мишариным таким “проектом” была реформа “Российских железных дорог”. Проанализировав биографии чиновников, назначенных Мишариным в свое правительство, мы видим, что он в целом руководствовался теми же критериями при выборе подчиненных. Например, объясняя в Областной думе назначение ранее неизвестного региональным элитам 28-летнего К. Колтонюка министром финансов, Мишарин отметил, что, “несмотря на молодость Константина Александровича, у него достаточный опыт работы. По сути он выполнял функции субъекта бюджетного планирования, когда занимался программой развития транспортной системы РФ, которая предусматривает финансирование более 400 млрд рублей”¹³.

Сеть Мишарина гораздо менее сплоченная, чем сеть Росселя. Это можно объяснить несколькими причинами. Россель опирался в основном на два источника рекрутирования, и несколько человек служили мостами между этими группами, в то время как Мишарин приглашал своих бывших подчиненных из шести различных организаций, с несколько превосходящим остальные вкладом Свердловской железной дороги (26 из 91 выявленных связей). В то же время он уволил почти всех чиновников Росселя (только В. Власов сохранил свое место в новой сети) и, не имея возможности заполнить все вакантные должности членами своего ближайшего окружения, назначил тех, кто был косвенно связан с ними. Исследователи отмечают, что внутренняя сплоченность региональной

¹¹ См. рис. 5 в приложении на сайте журнала. См. <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/6/Polis-2021-6-Melnikov-App-1.pdf>

¹² Старцев Я.Ю. 2010. *Обойма Президента*. URL: https://www.academia.edu/4865753/Обойма_президента_2010 (accessed 17.07.2021).

¹³ Плюснина М. Губернатор поручился за финансы, госимущество и соцзащиту. — *Коммерсантъ (Екатеринбург)*. 25.12.2009. № 242.

бюрократии не имела первостепенного значения для Мишарина, который опирался на собственные вертикальные связи с членами федерального истеблишмента (прежде всего с главой РЖД В. Якуниным) [Мухаметов 2018: 15]. Учитывая его быструю отставку после менее чем трехлетнего пребывания на посту губернатора, наблюдатели отмечают, что Мишарин не только недооценил неформальные связи в своей собственной команде, но и не сумел наладить неформальные связи с представителями других региональных элит¹⁴.

ВЫВОДЫ

Сетевой анализ обладает богатым эвристическим потенциалом в исследовании неформальных элитных сетей. Он позволяет идентифицировать ядро, периферию и сообщества в сети, оценить неформальную силу, которой обладают акторы, а также провести кросс-временное сравнение различных сетей. В то же время он бросает вызов традиционному пониманию неформальных структур как состоящих в основе своей из патрон-клиентских отношений. В действительности неформальные сети могут вмещать в себя множество вертикальных и горизонтальных отношений, последние из которых играют важную роль в структурировании неформальной политики.

Применение сетевого анализа к кейсу Свердловской области показало, насколько могут различаться структуры таких сетей в зависимости от стратегий их лидеров. Сеть Росселя, хоть и включает в себя большое количество изолятов, является наиболее плотной. Ядро этой сети многочисленное по составу и крайне плотно переплетенное внутри себя. Алгоритм определения сообществ не смог разбить эту сеть на подграфы. Все это говорит о крайне высокой степени сплоченности региональной бюрократии того периода и несомненно является одним из ключевых факторов обретения Росселем статуса одного из «региональных тяжеловесов» России 1990-х — начала 2000-х годов.

Сеть Мишарина, назначенного после отмены прямых губернаторских выборов, принципиально отличается. Она гораздо менее плотная и централизованная, с большим количеством структурных дыр и с гораздо меньшим по объему ядром. Несмотря на практически полное очищение сети от членов сети Росселя, Мишарин не смог сконструировать консолидированную сеть даже в рамках административной иерархии, не говоря о более широких коалициях, что часто упоминается в качестве одной из причин его скорой отставки.

При этом можно выделить несколько направлений для будущих исследований, которые смогут увеличить эвристический потенциал SNA в изучении региональных элит.

Во-первых, перспективным представляется дополнение формального сетевого анализа качественными методами — в особенности экспертными интервью. С их помощью можно верифицировать найденные с помощью биографического анализа связи и дополнить модель связями, сформированными за пределами общей карьеры. В целом это позволило бы примирить качественные и количественные подходы к оценке неформальных сетей.

Во-вторых, методологически важно сопоставить результаты сетевого анализа с другими подходами к оценке влияния акторов. Таковым может быть, например, классический репутационный анализ. Подобное сопостав-

¹⁴ Крашенинников Ф., Сабуров А. Свердловская область: режим слабого губернатора. — ИА «Политсовет». 18.10.2013. URL: <http://politsovet.ru/43238-sverdlovskaya-oblast-rezhim-slabogo-gubernatora.html> (accessed 17.07.2021).

ление позволило бы оценить уровень внешней валидности метрик к оценке неформального веса через меры сетевой центральности.

В-третьих, аналитически перспективна оценка того, как место в сети личных связей влияет на позицию в должностной иерархии. Это предполагает разработку метрик измерения объема должностных полномочий и поиск паттернов сочетания формального и неформального административного веса.

В-четвертых, необходимо проведение кросс-регионального сравнения, которое позволило бы оценить, как варьируются паттерны структурирования неформальных сетей между регионами и какие факторы ответственны за такую вариацию.

В-пятых, неформальные сети элит не ограничиваются руководителями органов исполнительной власти, и характер, динамика и устойчивость региональных режимов, безусловно, определяются не только сплоченностью или конфликтным потенциалом бюрократии. В связи с этим включение в модель представителей иных элитных групп (членов легислатуры, глав городов, медиаменеджеров, бизнес-сообщества) позволит представить более объемную картину неформальной политики в региональном сообществе.

Таким образом, исследования неформальных сетей региональных элит имеют довольно широкую исследовательскую повестку, разработка которой позволит гораздо более полно анализировать неформальные аспекты региональной политики.

DOI: [10.17976/jpps/2021.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12)

CLIENTELISM AND INFORMAL NETWORKS OF REGIONAL ELITES IN RUSSIA: NETWORK ANALYSIS OF THE CASE OF SVERDLOVSK OBLAST

K.V. Melnikov¹

¹ Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, Russia

MELNIKOV, Kirill Vadimovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, email: melnikovrezh@gmail.com

Melnikov K.V. Clientelism and Informal Networks of Regional Elites in Russia: Network Analysis of the Case of Sverdlovsk Oblast. — Polis. Political Studies. 2021. No. 6. P. 171–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>

Received: 07.05.2020. Accepted: 26.11.2020

Abstract. Studying informal aspects of politics in Russia and post-Soviet states more broadly has become an influential research trend. The concepts of clientelism and informal networks often serve as a theoretical framework for such an analysis. Despite obvious connotations, students of informal networks only rarely take advantage of methodological tools provided by Social Network Analysis (SNA). They not only allow scholars to visualize a network and to calculate its basic statistic characteristics, but also puts forth more rigorous requirements for the operationalization of the informal network, thereby making it a logically conceptualized category and not just a metaphor, as it is often presented in the literature. By using SNA tools, the presented paper studies informal networks of administrative elites of the Sverdlovsk Oblast. Having experienced a relatively rapid economy recovery following the collapse of the USSR, the region's success in bargaining with federal elites over the advancement of its legal status in the 1990s and long-term into the office of its first governor brought forth explanations that emphasize the power of elite networks in this region. This article aims to test these assumptions quantitatively. To that end, we analyzed informal networks of the heads of the executive agencies and provided three temporal snapshots. These correspond to the terms of the two governors that held the office: Eduard Rossel and Alexandr Misharin. The informal networks were based on biographical data, which we collected and recorded into the database. This database consists of 665 rows, which contain information on the career paths of 78 officials. After identifying the intersections of the career paths of these individuals prior to them occupying elite positions, we built networks based on them. We have analyzed the

structures of these networks, their density, the presence of communities, and centrality measures, which allowed us to see how different the patterns of the networks can be depending on the strategies of their leaders.

Keywords: informal networks, patron-client relationships, clientelism, patronage bureaucracy, political regime, network analysis, regional elites, SNA.

References

- Carter T. 2015. *Networks and Regional Leadership in El'tsin's Russia: The Case of Eduard Rossel' in Sverdlovsk Oblast, 1989–1999*. PhD Thesis. University College London.
- Easter G. 1997. Redefining Centre-Regional Relations in the Russian Federation: Sverdlovsk Oblast'. — *Europe-Asia Studies*. Vol. 49. No. 4. P. 617–635. <https://doi.org/10.1080/09668139708412463>
- Easter G. 1999. *Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. New York: Cambridge University Press.
- Eisenstadt S., Roniger L. 1984. *Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511557743>
- Fortunato S., Castellano C. 2009. Community Structure in Graphs. — *Encyclopedia of Complexity and Systems Science*. P. 1141–1163. https://doi.org/10.1007/978-0-387-30440-3_76
- Freeman L. 1978. Centrality in Social Networks Conceptual Clarification. — *Social Networks*. Vol. 1. No. 3. P. 215–239. [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(78\)90021-7](https://doi.org/10.1016/0378-8733(78)90021-7)
- Gautier Morin J., Rossier T. 2020. The Interaction of Elite Networks in the Pinochet Regime's Macroeconomic Policies. — *Global Networks*. Vol. 31. No. 2. P. 339–364. <https://doi.org/10.1111/glob.12300>
- Keller F. 2016. Moving Beyond Factions: Using Social Network Analysis to Uncover Patronage Networks among Chinese Elites. — *Journal of East Asian Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 17–41.
- Keller F. 2018. Analyses of Elite Networks. — *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan. P. 135–152. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_11
- Koronenko V. 2011. Introduction. — *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not?* Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 1–19.
- Ledeneva A. 2013. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511978494>
- Medard J. 1976. Le rapport de clientèle: du phénomène social à l'analyse politique. — *Revue française de science politique*. Vol. 26. No. 1. P. 103–131. <https://doi.org/10.3406/rfsp.1976.393655>
- Newson A., Trebbi F. 2018. Authoritarian Elites. — *Canadian Journal of Economics*. Vol. 51. No. 4. P. 1088–1117. <https://doi.org/10.1111/caje.12362>
- Raghavan U., Albert R., Kumara S. 2007. Near Linear Time Algorithm to Detect Community Structures in Large-Scale Networks. — *Physical Review E*. Vol. 76. No. 3. <https://doi.org/10.1103/physreve.76.036106>
- Reisinger W., Willerton J. 1988. Elite Mobility in the Locales: Towards a Modified Patronage Model. — *Elites and Political Power in the USSR*. Aldershot: Elgar. P. 99–127.
- Scott J. 1972. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia. — *The American Political Science Review*. Vol. 66. No. 1. P. 91–113. <https://doi.org/10.2307/1959280>
- Seidman S. 1983. Network Structure and Minimum Degree. — *Social Networks*. Vol. 5. No. 3. P. 269–287. [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(83\)90028-X](https://doi.org/10.1016/0378-8733(83)90028-X)
- Willerton J. 1987. Patronage Networks and Coalition Building in the Brezhnev Era. — *Soviet Studies*. Vol. 39. No. 2. P. 175–204. <https://doi.org/10.1080/09668138708411685>
- Aleskerov F., Kurapova M., Meshcheryakova N., Mironyuk M., Shvydun S. 2016. A Network Approach to Analysis of International Conflicts. — *Political Science (RU)*. No. 4. P. 111–136. (In Russ.)
- Chapkovskii P. 2011. *Sotsial'nye seti i administrativnoe rekrutirovanie v Rossii: na primere federal'nogo pravitel'stva 2000–2008* [Social Networks and Administrative Recruitment in Russia: The Case of the Federal Government in 2000–2008]. MA Graduation Thesis. Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg. (In Russ.)
- Chirikova A., Ledyayev V. 2017. Governance in Russian Town. Moscow: HSE. 416 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1579-2>
- Fisun O. 2010. Rethinking Post-soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective. — *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. No. 4. P. 158–187. (In Russ.)
- Gelman V. “Encounter with an Iceberg”: Concept Formation and Misformation in the Study of Russian Politics. — *Polis. Political Studies*. 2001. № 6. P. 6–17. (In Russ.)
- Gelman V. 2015. The Vicious Circle of Post-Soviet Neopatrimonialism. — *Social Sciences and Contemporary World*. No. 6. P. 34–44. (In Russ.)
- Gilev A. 2016. Vvedenie. Chernye koshki v temnykh komnatakh: issledovaniia politicheskogo patronazha v obshchestvennykh i gumanitarnykh naukakh' [Introduction. Black Cats in Dark Rooms: Studies of Political Patronage in the Social Sciences and Humanities]. — *Patron-clientskie otnosheniia v istorii i sovremennosti: khrestomatiia* [Patron-Client Relations in History and the Present: A Chrestomathy]. Moscow: ROSSPEN. P. 6–41. (In Russ.)

- Gimpelson V., Magun V. 2004. Serving the Russian State: Prospects and Constraints for Young Civil Servants' Careers. — *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. No. 5. P. 19–36. (In Russ.)
- Kazantsev D., Aseev S. 2020. Social Network Analysis of Youth Political Organizations of Novosibirsk Oblast and Altai Krai. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. No. 1. P. 64–85 (In Russ.)
- Kirillov A. 2008. Political History of the Urals and the Ural Federal District. 1985–2007. Yekaterinburg: Ural'skii rabochii. 544 p. (In Russ.)
- Mukhametov R. 2018. Regional Ruling Elites: Dynamics and Specifics (on the Example of Sverdlovsk Region). — *Management Issues*. No. 6. P. 13–19. (In Russ.)
- Padgett J.F., Ansell Ch.K. 2016. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434. (Russ. ed.: Padgett J.F., Ansell Ch.K. Ustoichivoe deistvie i pod'em Medichi. — *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti*. Moscow: ROSSPEN. P. 41–116).
- Ryabchenko N. A., Katermina V. V., Gnedash A. A., Malysheva O. P. 2018. Political Content of Social Movements in the Online Space of Modern States: Analysis Methodology and Research Practices. — *South Russian Journal of Social Sciences*. No. 3. P. 139–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-139-162>
- Smorgunov L.V., Sherstobitov A.S. 2014. *Politicheskie seti: teoriya i metody analiza* [Political Networks: Theory and Analysis Methods]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Startsev Ya.Yu. 2009. Lichnostno-orientirovannye vzaimodeistviya v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii [Personally-Oriented Interactions in Public Administration]. — *Organy vlasti v sisteme sotsial'nykh vzaimodeistvii: sotsiologicheskii, politicheskii i upravlencheskii analiz* [Public Agencies in the System of Social Interactions: Sociological, Political and Managerial Analysis]. Ekaterinburg: UAPA. P. 31–59. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алескеров Ф.Т., Курапова М.С., Мещерякова Н.Г., МIRONЮК М.Г., ШВЫДУН С.В. 2016. Сетевой подход в изучении межгосударственных конфликтов. — *Политическая наука*. № 4. С. 111–137.
- Гельман В. Я. 2001. “Столкновение с айсбергом”: формирование концептов в изучении российской политики. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 6–17.
- Гельман В.Я. 2015. “Порочный круг” постсоветского неопатримониализма. — *Общественные науки и современность*. № 6. С. 34–44.
- Гилев А.В. 2016. Введение. Черные кошки в темных комнатах: исследования политического патронажа в общественных и гуманитарных науках. — *Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия*. М.: Политическая энциклопедия. С. 6–41.
- Гимпельсон В.Е., Магун В.С. 2004. На службе Государства Российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников. — *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 5. С. 19–36.
- Казанцев Д. А., Асеев С. Ю. 2020. Анализ социальных сетей молодежных политических организаций Новосибирской области и Алтайского края. — *Южно-российский журнал социальных наук*. № 1. С. 64–85.
- Кириллов А.Д. 2008. *Политическая история Урала и Уральского федерального округа, 1985–2007 гг.* Екатеринбург: Уральский рабочий.
- Мухаметов Р. С. 2018. Региональная правящая элита: динамика и специфика (на примере Свердловской области). — *Вопросы управления*. № 6. С. 13–19.
- Паджет Дж. Ф., Ансел К.К. 2016. Устойчивое действие и подъем Медичи (1400–1434). — *Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия*. М.: Политическая энциклопедия. С. 41–116.
- Рябенко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. 2018. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика. — *Южно-российский журнал социальных наук*. № 3. С. 139–162. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-139-162>
- Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. 2014. *Политические сети: теория и методы анализа*. М.: Аспект-Пресс.
- Старцев Я.Ю. 2009. Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении. — *Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ*. Екатеринбург: УРАГС. С. 31–59.
- Фисун А.А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. — *Политическая концептология*. № 4. С. 158–187.
- Чапковский Ф.И. 2011. *Социальные сети и административное рекрутирование в России: на примере федерального правительства 2000–2008*. Выпускная квалификационная работа. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. 2017. *Власть в малом российском городе*. М.: НИУ ВШЭ. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1579-2>